

Ю. Кулаковский

**Поэма Люкреция «О
природе»**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ю11

Ю11 **Ю. Кулаковский**
Поэма Люкреция «О природе» / Ю. Кулаковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 40 с.

ISBN 978-5-458-54319-4

Речь, произнесенная на торжественном акте Императорского Университета
Св. Владимира 8 января 1887 года.

ISBN 978-5-458-54319-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

затѣмъ въ теченіи длиннаго ряда столѣтій это значеніе. Когда въ цѣломъ рядѣ внутреннихъ революцій испытаны были различные способы государственной организаціи, и политическая жизнь утратила уже тотъ интересъ въ Аѳинахъ, какой имѣла она въ вѣкъ Перикла и Сократа, когда греческій элементъ распространился по всему Востоку, когда въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азіи царствовали греческія династіи и пережить былъ древній политическій идеалъ единой самодовлѣющей общины; тогда и философская мысль существенно измѣнилась въ своемъ характерѣ и направленіи. Аристотель полагалъ начало философскаго мышленія въ удивленіи человѣка предъ созерцаемымъ имъ міромъ¹⁾. Интересъ знанія присущъ человѣку отъ природы. Познаніе есть изъясненіе причины явленія. Но для человѣческаго разума недостаточно знать непосредственную причину даннаго явленія: онъ стремится постигнуть первую въ ряду причинъ. *Tότε γὰρ εἰδέναι φαινέται ἕκαστον, ἔτιαν τὴν πρώτην αἰτίαν αἰώμεθα γινώσκειν*, говоритъ Аристотель²⁾. Это стремленіе человѣческаго разума проникнуть до первыхъ причинъ, уразумѣть ихъ и тѣмъ побѣдить міръ явленій, создаетъ философское знаніе, которое существуетъ не ради чего другаго, а только самого себя³⁾. Аристотель не сомнѣвается въ познаваемости всего. Онъ создалъ самъ систему знанія о мірѣ и человѣкѣ, которое давало отвѣтъ на все. Греческая философія въ лицѣ Аристотеля стоитъ на своей буйминаціонной точкѣ. Она обнимаетъ все, сливая въ себѣ то, что мы дѣлимъ на религію, философію, науку.

Въ развитіи греческой философской мысли послѣ Аристотеля совершился великій переворотъ. На мѣсто интересовъ чистаго знанія выступило иное, глубоко отличное начало. Цѣлью философскаго мышленія является уже не постиженіе и изъясненіе міра въ его дивномъ строѣ, а стремленіе успокоить тревожный духъ человѣка, примирить его съ окружающимъ міромъ, дать ему нравственные устои. Моральный идеалъ, надъ которымъ работала философская мысль, расширился: имъ уже не могъ быть гражданинъ отдѣльной πόλις, какъ было во время Платона и даже Аристотеля, и задачей философскаго мышленія стало раскрыть идеалъ общечеловѣчскій. Философское ученіе получило характеръ и значеніе религіознаго исповѣданія. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей философіи этого періода былъ Эпикуръ. Среди источниковъ нашихъ для изученія системы этого мыслителя поэма Люкреція занимаетъ едва-ли не первое мѣсто какъ

по обилію матерьяла, такъ и по точности и правильности воспроизведенія ученій Эпикура.

Когда Римляне пришли въ живое общеніе съ Греками, и греческая культура стала дѣлать свои завоеванія въ Римѣ, туда проникла и философія, какъ одинъ изъ элементовъ греческой образованности. Римскій народный геній не проявилъ задатковъ для развитія философской мысли. Обращенный на конкретное, онъ созидалъ тяжкимъ трудомъ свое великое государство. Римская религія, бѣдная въ своемъ миеологическомъ содержаніи, исчерпывавшаяся строго хранимымъ ритуаломъ обрядовъ, не давала матерьяла для возникновенія философскихъ концепцій. Въ римскихъ миахъ не было вовсе космогоніи, не было изъясненія происхожденія міра. Ихъ боги были лишь геніями—покровителями Рима, которыхъ римскій народъ долженъ былъ умилостивлять жертвами, выговаривая за это покровительство и помощь государству. Этого основной характеръ богопочитанія у Римлянъ, выражавшійся и въ самомъ словѣ *religio*—«вязь, удерживался въ формальностяхъ жертвоприношеній, которыя совершала община. Онъ удержался за все время существованія государства, не просвѣтлится и не возвысится никогда до мистическаго пониманія отношеній человѣка къ божеству. Какъ Ромулъ въ народной сагѣ даетъ обѣтъ соорудить храмъ Юпитеру Остановителю, *Iovi Statori*, если онъ остановитъ бѣгущихъ съ поля битвы Римлянъ, и приводитъ въ исполненіе обѣтъ, такъ какъ богъ сдѣлалъ свое дѣло; такъ позднѣе въ каждый *lustrum* цензоры, совершая обрядъ *lustratio populi*, всенародное очищеніе римскаго гражданства, давали богамъ обѣтъ, (*vota nuncupabant*), что цензоры будущаго люстра принесутъ богамъ такую же жертву, если боги сохранятъ за это время невредимымъ римское государство. Принесеніе въ жертву Юпитеру блага быка, которое совершали представители римскаго государства, консулы, въ первый день власти, было исполненіемъ обѣта, даннаго консулами прошлаго года при вступленіи въ санъ за своихъ преемниковъ. Въ этомъ взглядѣ на жертвоприношеніе какъ на договоръ государства со своими богами нагляднѣе всего сказывается холодный, чуждый всякаго энтузіазма, всякаго подъема духа характеръ римской религіи.—Не нужно другаго аргумента, чтобы имѣть право утверждать, что

римская религія не заключала въ себѣ задатковъ для возникновенія философіи. А такъ какъ въ религіи открывается намъ ближайшимъ образомъ самый духъ народа, то мы можемъ сказать, что римскій народный геній не имѣлъ задатковъ для развитія какихъ бы то ни было философскихъ концепцій о мірѣ, божествѣ, человѣкѣ. Вѣра въ боговъ имѣла практическій характеръ, и культъ богамъ былъ своего рода торговой сдѣлкой, гдѣ одинъ изъ контрагентовъ былъ отвлеченный образъ божества, личность котораго выражалась только его именемъ: Mars, Jupiter, Juno, Diana...

Практическое направленіе народнаго римскаго ума сказалось и въ усвоеніи греческой образованности. Такъ понимали дѣло сами Римляне; ихъ величайшій поэтъ, Горацій, въ такихъ словахъ говорилъ объ усвоеніи Риму различныхъ родовъ словеснаго творчества:

Поздно Римлянинъ сталъ вникать въ сочиненія Грековъ.

Послѣ пуническихъ войнъ успокоясь, онъ спрашивать началъ,
Чѣмъ Софокль и Эсхилъ и Тесписъ и Эсхилъ доставили пользу.

Самъ за дѣло взялся, перевести ихъ стараясь достойно,

И себѣ угодилъ, возвышенъ и смѣлъ по природѣ.

[Ер. II, 1, 161—165].

Въ дополненіе къ этимъ словамъ поэта можемъ мы прибавить одно поясняющее замѣчаніе. Первымъ видомъ литературы въ Римѣ была драма. Въ теченіе полутора столѣтія она имѣла цѣлый рядъ представителей, ревностно трудившихся надъ ея насажденіемъ въ Римѣ. Не трудно дать отвѣтъ на вопросъ, почему именно драма имѣла въ Римѣ успѣхъ. Театральное представленіе было однимъ изъ народныхъ увеселеній во время игръ. Постановка игръ была дѣломъ магистратовъ. Щедрость на играхъ была одной изъ формъ дозволеннаго *ambitus*, заискиванія народнаго расположенія, съ цѣлью обезпечить себѣ карьеру, прохожденіе высшихъ магистратуръ, и тѣмъ вліяніе и значеніе въ государствѣ. Отсюда понятно, почему именно драма была первымъ видомъ подражательной литературы въ Римѣ: въ ней было то *utile*, котораго, по Горацію, искалъ Римлянинъ, „поздно приблизившій глаза свои въ хартіямъ“.

Но если это полезное было ясно въ поэзіи и прежде всего въ драмѣ, которая забавляла державный народъ, то постигнуть его въ философіи было, конечно, дѣломъ нелегкимъ. Десятилѣтія вто-

раго вѣка до Р. Х., отмѣченныя именами Катона Старшаго и Сципіона Африканскаго, были тѣмъ періодомъ, когда философія стала проникать въ Римъ. Говоря объ атомѣ, слѣдуетъ отличать два значенія философіи: во первыхъ, какъ субъективное исканіе истины, какъ система, ученіе, и во вторыхъ, какъ элементъ образованія въ нашемъ современномъ значеніи этого слова. Философія была въ ту пору въ Греціи слишкомъ давно и слишкомъ тѣсно связана съ образованіемъ, чтобы остаться невѣдомой Римлянамъ⁴⁾. Грамматика, риторика, философія—это три послѣдовательныя ступени греческаго образованія. Представители этихъ трехъ дисциплинъ стали являться въ Римъ, но не всѣ они были одинаково тамъ приняты. Полезность грамматики была слишкомъ очевидна, чтобы воздвигать на нее гоненіе; изученіе же греческаго языка было въ ту пору даже необходимо. Но какъ смотрѣли Римляне на риторику и философію, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ намъ извѣстные, внушительные по своей простотѣ факты. До насъ дошелъ *senatus consult'us* 161 года въ его точной редакціи, выраженный прекраснымъ твердымъ и не допускающимъ возраженія, не оставляющимъ никакой неясности языкомъ:

„Въ консульство Г. Фаннія Страбона и М. Валерія Мессалы М. Помпоній преторъ созывалъ въ совѣщаніе сенатъ. Что былъ сдѣланъ докладъ о философахъ и риторахъ, объ этомъ дѣлѣ такъ постановили: прилагать заботу и стараніе М. Помпонію претору о томъ, чтобы, какъ находить онъ то въ интересѣ государства и своего долга, философовъ и риторовъ въ Римѣ не было“.

[Suet. De rhet. cap. 1=A. Gell. XV, 11. 1].

Другой такой же знаменательный фактъ—изгнаніе аѳинскаго посольства изъ Рима въ 156 году. Провинившіеся предъ Римомъ Аѳиняне и навлекшіе этимъ наложеніе крупнаго штрафа на свой городъ—послали въ Римъ трехъ знаменитыхъ своихъ философовъ съ Карнеадомъ во главѣ, чтобы они своими рѣчами умилиствовали гнѣвъ сената. Философы, вѣрные своему призванію быть общественными учителями, стали держать публичныя рѣчи. На нихъ стала стекаться римская молодежь, ученія философовъ производили сенсацию. Катонъ усмотрѣлъ въ этомъ опасность для республики. По его почину сенатъ приказалъ философамъ оставить Римъ*).

*) Плутархъ. *Cato maior*. cap. 22. И вотъ тотъ часъ наиболѣе ревностные къ ученію аѳиняне обратились къ этимъ мужамъ и были съ ними, внималъ и дивясь имъ.

Если въ этомъ изгнаніи ясно выражено отношеніе римскаго сената къ философіи, то въ томъ, что рѣчи философовъ не только нашли слушателей, но и вызвали запретъ, сказывается съ очевидностью, что въ ту пору въ Римѣ была уже почва для воспріятія философскихъ ученій, что образованіе уже привилось и утвердилось въ Римѣ. Около того же времени греческіе философы стали являться въ роли воспитателей въ знатныхъ домахъ Рима. Известно, что Корнелія, мать Гракховъ, дала въ воспитатели своимъ сыновьямъ стоика Блоссія. Можно назвать цѣлыя десятки именъ знатныхъ римлянъ второй половины II вѣка, о которыхъ известно, что они не только были посвящены въ сокровища греческой мудрости, но и брали подъ свою защиту философовъ въ Римѣ⁵⁾. Въ послѣдней четверти II вѣка жилъ долгіе годы въ Римѣ стоикъ Панетій, и многіе старшіе современники Цицерона считали себя непосредственными его учениками. Тогда же стало входить въ обычай совершать путешествія въ Грецію для довершенія своего образованія. Въ началѣ I вѣка ближайшее знакомство съ философскими доктринами считалось необходимымъ элементомъ образованія оратора; а краснорѣчіе въ ту тревожную пору шатанія республики было главной силой, дававшей человѣку право на имя и значеніе⁶⁾.

И однако философія оказывалась бесплодной въ Римѣ. Римляне оставались здѣсь только учениками. При распространенности греческаго языка въ средѣ образованныхъ римлянъ того времени, не было даже надобности въ переводахъ произведеній греческихъ мыслителей. Собственнаго же творчества въ этой области не обнаруживали Римляне. Общественная жизнь была слишкомъ живымъ ключемъ въ Римѣ, шатались самыя основы республики, нарождались элементы для великаго

Особенно чарующая прелесть Карнеада, великая мощь которой была широко прославлена, выскрѣхъ провнеслась по городу. Прошелъ слухъ, что этотъ Грекъ, владѣвшій изумительной силой притягивать и поработать людей, возбудилъ въ молодежи дивную любовь, изъ-за которой они, оставъ отъ всѣхъ другихъ удовольствій и занятій, отдавались съ энтузіазмомъ, философіи. Это нравилось другимъ римлянамъ, и они охотно взирали на то, что юноши приобщались къ эллинскому образованію и искали общенія съ достойными удивленія мужами. Но Катонъ съ самаго начала смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на проникновеніе философіи въ Римъ, опасаясь, какъ бы юношество, обративъ свои стремленія на славу слова, не возлюбилъ ее болѣе нежели ту, что дають государственныя дѣла и военная служба.....

переворота въ ней, который мы называемъ установленіемъ Имперіи. Болѣе глубокое и интензивное вліяніе греческой философіи сказалось уже тогда, когда явился глава въ республикѣ и принесть въ нее миръ, и когда гордая римская аристократія, упорно хранившая воспоминаніе о своемъ коллективномъ самодержавіи въ государствѣ, должна была постепенно прійти къ сознанию, что она имѣетъ государя и отдѣльные ея члены могутъ быть лишь исполнителями его предназначеній. Тогда-то началось усиленное занятіе философіей, и если не обнаружилось самостоятельнаго творчества римскаго народнаго духа въ этой сферѣ и тогда, то во всякомъ случаѣ философскія ученія стали получать значеніе исповѣданія вѣры для отдѣльныхъ людей, и потомки знатныхъ римскихъ фамилій съ гордостью выставляли на показъ свое званіе философа. Тацитъ въ своихъ произведеніяхъ далъ намъ немало матерьяла для выясненія значенія философскихъ ученій въ I вѣкѣ по Р. Х. Если многіе съ полной искренностью и убѣжденіемъ искали въ философіи нравственныхъ устоевъ для жизни и дѣятельности, и не объ одномъ Гельвидіи Прискѣ можно было сказать, что онъ занимался философіей, *quo firmior adversus fortuita rei publicam capesseret* (Hist. 4, 5); то не мало было, конечно, ложной аффектаціи и показнаго въ этомъ интересѣ къ философствованію, какъ влеймптъ это своимъ сильнымъ словомъ самъ Тацитъ: *ut nomine magnifico segne otium velarent* 7).

Въ вѣкѣ Цицерона, не смотря на широкое распространеніе знакомства съ философіей, возможны были такіе факты, какъ поступокъ Л. Геллія, когда онъ въ санѣ пропретора явился управлять Греціей. Находясь въ Афинахъ, онъ приказалъ созвать къ себѣ философовъ всѣхъ школъ и увѣщевалъ ихъ прекратить свои разногласія. Онъ полагалъ, что лучше будетъ вмѣсто вѣчнаго спора поступиться каждой школѣ чѣмъ-нибудь въ интересахъ соглашенія и мира, и предлагалъ имъ себя въ посредники этого соглашенія.— Какими глазами должны были смотрѣть представители греческой мысли на этого самозваннаго примирителя, когда его предложеніе посредничества было заявленіемъ полного непониманія съ его стороны того, о чемъ были разногласія?....

Фактъ этотъ относится къ 62 г. до Р. Х.

Конечно, Геллій представлялъ исключеніе. Въ средѣ знати римской были лица, причислявшія себя къ адептамъ отдѣльныхъ школъ.

Наибольшую популярность имѣли двѣ: стоицизмъ, надѣ насаждеиіемъ котораго въ Римѣ потрудился Папэіій, и эпикуреизмъ, пронишедій туда и безъ великаго и вліятельнаго наставника. Въ Римѣ стала появляться и философская литература. Цицеронъ въ началѣ IV-ой книги „Тускуланскихъ бесѣдъ“, гдѣ онъ дѣлаетъ обзоръ исторіи философіи въ Римѣ, упоминаетъ о писаніяхъ Г. Амафинія; знаемъ мы также имя Катія. Но Цицеронъ весьма рѣзко отзывался о первыхъ философскихъ писаніяхъ на латинскомъ языкѣ. Они были не болѣе какъ безыскусственными переложеніями на родной языкъ твореній греческихъ мыслителей школы Эпикура. Цицеронъ смѣло и опредѣленно заявляетъ претензію на первенство въ философской литературѣ^{*)}. Совершенно также игнорируетъ своихъ литературныхъ предшественниковъ и Люкрецій. Не разъ заявляетъ онъ о величіи своего предпріятія какъ первой попытки изложенія философской системы на латинскомъ языкѣ.

....hanc (i. e. ratio rerum) primus cum primis ipse repertus

Nunc ego sum in patrias qui possim vertere voces.

[V, 336—337]

Цицеронъ и Люкрецій были современники и знали другъ друга. Для насъ они оба имѣютъ право на первенство въ римской философской литературѣ. Но эти современники предстаютъ предъ нами съ такимъ множествомъ различій, какъ если бы они отдѣлены были вѣками. Уже въ этомъ фактѣ даю очень много: здѣсь засвидѣтельствована несамостоятельность Римлянъ въ философіи. Тотъ и другой не творцы, а лишь передатчики чужаго созданія, усвоеннаго ими. Различія въ образованіи обоихъ и въ качествахъ ихъ личныхъ дарованій обуславливаютъ характеръ ихъ твореній. Цицеронъ—глубоко образованный ораторъ, дивный мастеръ въ латинскомъ языкѣ, долго и много занимавшійся философской литературой Грековъ, создаетъ, подражая въ формѣ Платону, философскіе діалоги на разныя темы. Онъ эклектикъ въ философіи, но оказываетъ предпочтеніе стоицизму. Совершенное мастерство языка позволяетъ ему безъ усилій вложить въ латинскую рѣчь всѣ философскія концепціи, на сколько онъ самъ ихъ понимаетъ. Исканіе философской истины вовсе не есть для него задача жизни, спеціальность, которой онъ себя посвятилъ. Онъ считаетъ себя въ силахъ создать философскую литературу въ Римѣ на

латинскомъ языкѣ и принимается за самое дѣло лишь тогда, когда политическія обстоятельства вынуждаютъ его оставаться въ сторонѣ отъ служенія республикѣ⁹⁾.—Совсѣмъ иное дѣло Люкрецій. Одно то, что онъ поэтъ, кладетъ пропасть между нимъ и его славнымъ современникомъ. Мы ничего не знаемъ о жизни и обстоятельствахъ Люкреція, мало можемъ судить о широтѣ его образованія¹⁰⁾; но поэма его даетъ намъ достаточно матерьяла для его характеристики, какъ представителя философской литературы. Люкрецій знаетъ одну систему, но онъ не просто ее знаетъ: онъ вѣритъ въ нее, онъ ею вдохновленъ, онъ ощущаетъ благоговѣніе предъ ея создателемъ и, въ восторженномъ волненіи отъ раскрывшейся ему истины, онъ спѣшитъ повѣдать ее міру. Онъ не претендуетъ ни на одну мысль, какъ на нѣчто ему принадлежащее: вся ученость его поэмы—чужая, и онъ самъ это заявляетъ. Ему принадлежитъ только форма; и онъ гордъ тѣмъ, что можетъ въ ритмической рѣчи изложить восторгающую его мудрость.

Изложеніе системы философской облакаетъ Люкрецій въ форму поэмы. Такъ излагали свои ученія нѣкоторые изъ философовъ досократовскаго періода, какъ Эмпедоклъ, Парменидъ. Форма эта была оставлена позднѣе. Для философскихъ твореній явился діалогъ, подъ вліяніемъ діалектики, какъ способа развитія философской мысли, а съ Аристотеля появилась и сухая дѣловая проза. Люкрецій восстанавливаетъ преданіе, и этимъ даетъ самому ученію иной характеръ: вноситъ въ него еще болѣе догматизма. Люкрецій самъ говоритъ намъ о томъ, почему онъ избралъ стихотворную форму для изложенія философской системы: онъ хочетъ дать большую привлекательность исповѣдуемой имъ истинѣ, вѣритъ, что форма стиха будетъ средствомъ болѣе широкой пропаганды ученія^{*)}.

*) Отъ говорить объ этомъ въ такихъ словахъ—

„А теперь ты узнай, что остается, и услышь ясъе. Не обманываю я себя насчетъ того, какъ это темно; но великая надежда на славу пронзила острымъ тирсомъ мое сердце и вдохнула мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ въ грудь сладкую любовь къ Музамъ. Ею побужденный, я теперь смѣлымъ разумомъ шествую по нетронутымъ Піэридами пространствамъ, которыхъ не касалась ничья стопа. Пріятно мнѣ приблизиться къ дѣйственнымъ источникамъ и черпать изъ нихъ, пріятно срывать новые цвѣты и искать для себя славнаго вѣнца отсюда, откуда ни разу никому еще не вѣнчали Музы чела, и прежде всего за то, что я учу о великихъ вещахъ и стараюсь исторгнуть духъ человѣка изъ тяжкихъ

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ предложить здѣсь подробное изложеніе содержанія поэмы. Я долженъ ограничиться лишь указаніемъ общихъ рубрикъ послѣдовательности въ ней изложенія.

Поэма раздѣляется на шесть книгъ. Въ первой Люкреціи излагаетъ общую теорію атомовъ и общія положенія системы атомизма. Во второй книгѣ изъяснена причина, создавшая разнообразіе видимаго міра. Причина эта—движеніе атомовъ сверху внизъ съ отклоненіемъ при этомъ отъ прямого направленія. Въ третьей книгѣ рѣчь идетъ о природѣ души, которая, по ученію Эпикура, матерьяльна и смертна. Въ четвертой книгѣ изъясняется природа чувствъ человѣка и человѣческой мысли. Чувства—результатъ воздѣйствія на человѣка матерьяльных истеченій отъ предметовъ (*simulacra*), которые носятъ въ безконечномъ множествѣ въ воздухѣ. Мысль человѣка также матерьяльна, какъ и душа. Въ пятой книгѣ Люкреціи излагаетъ ученіе о происхожденіи земли, свѣтилъ небесныхъ и разныхъ метеорологическихъ явленій, между прочимъ и фазъ луны. Во второй половинѣ книги авторъ даетъ общую схему развитія человѣческой цивилизаціи. Шестая книга посвящена разъясненію различныхъ физическихъ и метеорологическихъ явленій, каковы: дождь, громъ, молнія, изверженія вулкановъ, землетрясеніе, радуга, магнетизмъ. Книгу заканчиваетъ изъясненіе природы болѣзней (въ духѣ нынѣшней системы бактерій) и описаніе чумы, посѣтившей Аѳины въ первые годы пелопоннесской войны, причемъ Люкреціи заимствуетъ данныя у Фукидида.

Такова общая схема изложенія.—Поэма Люкреція не была из-

оковъ религій, а затѣмъ за то, что о дѣлѣ таинственномъ я слагаю такіе ясные стихи, все покрывалъ музійской прелестью.

„И это кажется мнѣ не лишенимъ смысла: но словно какъ когда врачи пытаются дать дѣтямъ противной полины, они смазываютъ край стакана сладкимъ желтымъ медомъ, чтобы провести дѣтскую недогадливость, смаливъ губы, чтобы межъ тѣмъ выпита была горькая жидкость абсинта, и не обмана ради, а чтобы такимъ способомъ оживить и вылѣчить;—такъ и я теперь, въ виду того, что предметъ этотъ кажется обыкновенно слишкомъ мало привлекательнымъ тому, кто имъ не занимался, и люди отъ него отстраняются, такъ и я хотѣлъ изложить тебѣ сладкогласнымъ стихомъ Піэрійскимъ наше ученіе и словно покрыть его сладкимъ музійскимъ медомъ. Если бы мнѣ удалось удержать этимъ способомъ твой духъ на нашихъ стихахъ, пока ты постигнешь всю природу, въ какой образъ убранныя она существуетъ“.

дана въ свѣтъ самимъ авторомъ, не получила отъ него окончательной отдѣлки. Отсюда объясняется то, что она не есть законченное цѣлое; здѣсь также надо искать причины того, что изложеніе непоследовательно, часты въ немъ отступленія и повторенія. Иныя мѣста производятъ такое впечатлѣніе, какъ если бы Люкреціи нѣсколько разъ дѣлать пробу, какъ изложить поэтический образъ, возстававшій въ его творческой фантазіи. Часто нѣтъ никакой возможности выяснить отношеніе между слѣдующими одинъ за другимъ періодами; часто періоды оборваны по срединѣ, или такъ изложены, что для ихъ пониманія необходимо разорвать неловкую (а подѣ часть неправильную) синтаксическую связь предложеній. Все это вмѣстѣ взятое въ высшей степени затрудняетъ чтеніе и изученіе Люкреція. Но какъ бы то ни было, общій ходъ мыслей и концепцій Люкреція вездѣ ясенъ, хотя часто мы не имѣемъ никакой возможности перевести его рѣчи на нашъ и должны только догадываться о томъ, что собственно хотеть сказать поэтъ.

Не смотря однако на такую форму поэмы, она имѣетъ по своему содержанію огромную важность. Она есть нашъ наиболее полный источникъ для изученія системы Эпикура. Хотя этотъ мыслитель былъ однимъ изъ наиболее плодovitыхъ писателей греческой древности, по до насъ не дошло почти ничего въ подлинникѣ отъ его безчисленныхъ писаній¹¹⁾. Поэма Люкреція несравненно полнѣе и богаче содержаніемъ, нежели тѣ три подлинныхъ посланія Эпикура, которые сохранилъ намъ Діогенъ Лаэртій въ десятой книгѣ своего произведенія. Сюда присоединяется еще одно обстоятельство. Система Эпикура и въ древности часто была понимаема слишкомъ плоско; въ этомъ повиненъ и Цицеронъ, нашъ важный источникъ для всѣхъ системъ философскихъ послѣ времени Аристотеля. Въ Люкреціи мы имѣемъ самаго искренняго и вѣрующаго адепта Эпикурова ученія, который принималъ не только безъ малѣйшей критики, но съ восторженной вѣрой всякое слово и мысль учителя. Съ помощью Люкреція мы, такимъ образомъ, можемъ лучше понять многое въ его системѣ, чѣмъ какъ то позволяютъ другіе источники.

Но здѣсь я долженъ указать на одну черту поэмы, въ которой видятъ обыкновенно существенную неполноту изложенія системы Эпикура у Люкреція, и въ чемъ я самъ, напротивъ, готовъ видѣть только доказательство глубокаго ея пониманія нашимъ поэтомъ. Дѣло